

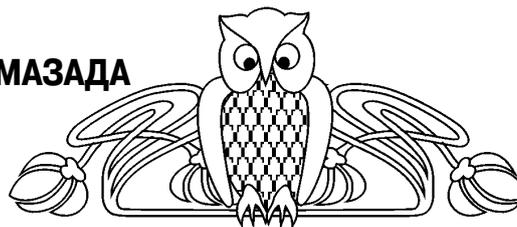

УДК 94(47).081:821.133.1–4+929Мазад

ФРАНЦУЗСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О РОССИИ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА: РАБОТЫ ШАРЛЯ ДЕ МАЗАДА В ОЧЕРКАХ И МНЕНИЯХ

Р. Р. Ханмурзин

Саратовский государственный университет
E-mail: roman_khan@mail.ru

В статье дан краткий обзор публицистических работ Шарля де Мазата о России и откликов на эти работы отечественных публицистов и общественных деятелей. На основе отдельных тезисов и фраз журналиста в статье даётся характеристика его работ: политические взгляды, ожидания и мнение об отдельных идейных соратниках или противниках. В статье сделан вывод о большом влиянии работ де Мазата на общественность внутри Российской империи, отмечена динамика его взглядов по отношению к политике и общественной жизни империи. Настоящая статья призвана расширить круг знаний о восприятии Российской империи при Александре II французским обществом с использованием известных за рубежом, но не переведённых на русский язык статей и эссе.

Ключевые слова: Шарль де Мазад, «Revue des deux mondes», французская публицистика, Александр II, М. Н. Катков.

French Journalism about Russia 60-ies of the XIX Century: Charles de Mazad's Works in Essays and Opinions

R. R. Khanmurzin

A short review of publicistic works of Charles de Mazade on Russia and Russian publicists' and public figures' comments is given in the article. On the basis of the journalist's theses and phrases, a characteristic of his works is given: political views, his expectations and opinions on certain ideological companions and opponents. In the article the conclusion about a strong influence of de Mazade's works on the Russian society is reached, the dynamics of his views on politics and social life is mentioned. The article enlarges the knowledge of perception of Russian Empire under Alexander II by French society, using articles and essays, which are famous abroad, but have not been translated into Russian.

Key words: Charles de Mazade, «Revue des deux mondes», French publicistic, Alexander II, M. N. Katkov.

Шарль де Мазад (Louis Charles Jean Robert de Mazade), французский журналист и историк, был достаточно заметной фигурой в публицистике Франции, являясь при том большим интеллектуалом своей эпохи. По крайней мере, об этом говорит круг его научных и журналистских интересов – в разное время выходили его статьи и книги, посвящённые истории европейских стран, обзоры их политического и экономического положения в современное ему время, биографии деятелей; не обошел вниманием публицист и литературу – перу де Мазата принадлежит несколько объёмных эссе о поэзии. Мы не ошибёмся, однако, если отметим, что самым плодотворным периодом жизни Шар-

ля де Мазата стал период его работы в журнале «Revue des deux mondes», куда он пришёл в 1860 г. на место политического обозревателя. Позже он занял должность заместителя редактора, курируя политическую публицистику, – именно в этот период, в 1882 г., он был избран членом французской Академии за свои достижения в области исторической науки.

Объектом интереса Шарля де Мазата становятся заметные перемены во внутривнутриполитической жизни государств и их отражение во внешней политике, в состоянии дел в Европе. Так появились работы о революциях в Испании 1854–1868 гг., о революциях в Италии (монографии 1860 и 1864 гг.), о войне Франции и Германии 1870–1871 гг., о восстании в Польше 1863 г., которое большинство французских публицистов-современников, и де Мазад не исключение, окрестило революцией. В этом смысле обращение историка к переменам в российской внутренней политике вполне закономерно, закономерно и структура статей о России. Собственно, все эти пять статей, опубликованных в журнале «Revue des deux mondes»¹ в промежуток времени между 1862 и 1868 г., являют собой достаточно цельное исследование, которое уместно объединить если не в монографию, то по крайней мере в сборник под названием «Россия при императоре Александре II» («La Russie sous l'empereur Alexandre II» – автор сознательно объединяет все статьи единой частью в названии). Задуманные и реализованные в 1862 г. две части исследования о первых годах правления Александра Николаевича, в которых Шарль де Мазад ставит вопрос о кризисе самодержавия, о его отражении в российском обществе и анализирует первые шаги нового кабинета правительства, были продолжением исследования деятельности российского правительства после польского восстания и в связи с ним опубликованы в 1866 г. Последние две работы, опубликованные в 1868 г. и посвящённые внутренней и внешней политике в 1866–1867 гг. в Российской империи, стали для историка последним обращением к российской тематике под грифом «Россия при императоре Александре II»². Помимо пяти статей, о которых шла речь выше, перу де Мазата принадлежит ряд статей о состоянии польского вопроса в империи, которое он отслеживал чрезвычайно пристально, статья о российском флоте и т. д.³

Обращение к творчеству Шарля де Мазада интересно нам по нескольким причинам. Первая, и самая очевидная – вопрос восприятия французскими современниками событий первых десяти лет правления императора Александра II, времени непростого и неоднозначного для России. Тем более пристально стоит взглянуть на творчество публициста ещё и потому, что он был сотрудником одного из самых влиятельных во Франции «Revue» либерального толка. Сторонник концепции консервативной республики, журнал с умеренных либеральных позиций анализировал процессы в России, одинаково осуждая и революционные изменения, и перегибы самодержавия⁴. Уже в 1870-х гг. «RDM» становится центром русистики, здесь появляются труды А. Леруа-Больё, Л. Леже, А. Рабмо, Э.-М. де Вогюэ. Историки и литературоведы, они если и не заложили основ знаний о России в Европе, то, по крайней мере, многократно углубили интерес, их работы, несмотря на возраст, и по сей день остаются актуальными. Автор работы «Русоведение во Франции» И. Д. Гальперин-Каминский уже в 1894 г. определил творчество последних как особое направление во французской науке, считая моментом создания научной школы начало 1870-х гг. С этой точки зрения правомерно с нашей стороны было бы заявить о том, что публицистика Шарля де Мазада стала важной вехой на пути формирования интереса к России во Франции, являясь квинтэссенцией знаний о современном положении внутренних дел империи к 1870 году⁵.

Уже с 1871 г., после крайне неудачной войны с Германией, для Франции остро встаёт вопрос о расстановке сил в Европе, вопрос поиска союзников. Обращение в сторону России в политике обернулось и ростом интереса к последней, который в достаточной мере обеспечивали слависты, в том числе и в «RDM». Тем более интересным для нас становится творчество де Мазада – его публицистика 1860-х гг. сочетает стремление к объективности через внимание к деталям с известной предвзятостью к вещам, проистекавшей и из либерального толка журнала, и из опасений перед мало известной страной. Шарль де Мазад в 1854 г., например, ссылаясь на публицистические труды Ф. И. Тютчева о России, оформленные в виде писем, находит в них выражение «тайных и далеко идущих видов политики России с ее безмерными претензиями и захватническими устремлениями», для воспрепятствования которым Франции следует объединиться с Германией и отвести от Европы эту угрозу⁶. Шарль де Мазад рисует Россию в момент её тяжёлых внутренних, часто противоречивых изменений, приветствует эти изменения, однако на страницах его работ уж слишком часто сквозит пониманием России как недавнего противника в Крымской войне и слишком душно от николаевской эпохи, по А. де Кюстину. Как собрание стереотипов и новых взглядов публицистика де Мазада – уникальный и интереснейший источник.

Интерес к восприятию российской действительности французскими современниками значительно возрос в настоящее время. Ряд новых статей и диссертаций, написанных в последнее десятилетие, – отличный индикатор такого интереса⁷. С расширением круга источников по этому вопросу связан и интерес автора настоящей статьи к публицистике де Мазада. Единственная известная нам специальная работа в этом направлении – перевод одной из статей публициста, выполненный В. А. Слободчиковым с его же комментариями и опубликованный в 1968 году⁸. К сожалению, даже при наличии перевода малой части наследия публициста работы его известны лишь узкому кругу специалистов. Такое упущение представляется весьма обидным, при том что популярность «RDM» и публицистики Шарля де Мазада была в своё время очень высока. Способность чутко реагировать на изменения в общественной жизни Российской империи позволяла публицисту оставаться предельно актуальным. Например, в письме П. В. Анненкову от 28 марта 1868 г. находившийся в Баден-Бадене И. С. Тургенев писал: «В той же книжке “Revue des Deux Mondes” напечатана статья, вероятно, вычеркнутая нашей цензурой, о России в последние два года; достаньте ее, если можете, и прочтите: интересно больно. Подписана она: Ch. de Mazade, но это – prête-nom [подставное лицо. – P. X.], и статью писал непременно русский или поляк, знающий всю нашу подноготную». Авторство статьи вызвало вопрос только у И. С. Тургенева, в остальном авторство статьи, кажется, не вызывает сомнений – тем более интересно такое замечание о статье де Мазада⁹. О другой работе публициста – «известной статье “La Russie après l’insurrection Polonoise” par Charles de Mazade, напечатанной в 1-й книжке “Revue des deux mondes” за 1866 г. и наделавшей столько шуму в Петербурге» – пишет А. Мосолов, отмечая там же: «Гр. Муравьёв читал эту статью с живым интересом»¹⁰. Последнее утверждение, впрочем, неудивительно, учитывая роль М. Н. Муравьёва в событиях 1863 г. В отмеченной статье де Мазад пишет как бы между делом: «Для этого периода, знаменующего в некотором отношении новую историю России, уже есть свои герои. Первый – Муравьёв, второй, по крайней мере, на сегодня – князь Горчаков. В этом ряду есть и третий, и не стоит преуменьшать его влияние»¹¹. В один ряд с первыми двумя де Мазад ставит М. Н. Каткова, предваряя его имя несколькими страницами описаний. Редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» – фигура, пожалуй, наиболее часто упоминаемая в работах француза.

Здесь стоит сделать небольшое отступление и немного подробнее сказать о взаимных выпадах публицистов в адрес друг друга. Соперники на идеологическом фронте, они не могли и не хотели проходить мимо деятельности друг друга. В этом смысле, конечно, М. Н. Катков был куда сдержан-

нее, его комментарии к Мазеду нам известно не так много. Скорее всего, у автора «Идеологии охранительства» не было склонности к перепалкам с заграничным «аналитиком». В апреле 1866 г. М. Н. Катков в «Московских ведомостях» писал: «Будто чья-то рука подала знак – и сели писать статьи против России французы Мазад и С. М. Жирарден, а Каракозов замахнулся на царя». Отношение к де Мазеду как писателю «против России» – достаточное клеймо, чтобы больше не возвращаться к вопросу. С отношением де Мазеда к Каткову интереснее. Перу француза принадлежит следующее описание русского публициста: «Это бурный темперамент в мягкой оболочке. С поблекшим лицом, со светло-русскими волосами, с голубыми, почти светлыми глазами, с внешностью вообще скромной и задумчивой, Катков соединяет неукротимые страсти, страшно нетерпимый и подозрительный дух, упрямство, повергающее его в раздражение и гнев при противоречии, антипатии, не останавливающиеся ни перед чем»¹².

Описание характера, составленное французом в неприятных тонах, блекнет по сравнению с отношением к роли Каткова (апрель 1868): «Это действительно ужасный человек, Катков со своими “Московскими ведомостями”, всегда в авангарде ультра-патриотического движения, и ничто, может быть, не опишет лучше ситуацию с умонастроениями в России, чем фигура простого журналиста, ставшего властью вне всяких официальных чинов и должностей, сделавшегося главой партии, увлекающего одних и внушающего страх другим...»¹³. Сама фигура Каткова для де Мазеда принципиальна настолько, насколько ярко она выражает умонастроения части общества, это, если хотите, символ. Такой вот неприятный для француза-либерала и внешне и внутренне символ, отражающий российскую действительность как она есть. Прекрасным примером тут станут его же строки, написанные в апреле 1866 г.: «Видимость единогласия, которая появляется иногда в России, имеет небольшую трещину. Существует две моды в идеях и мнениях, которые подобны моде на костюмы. В один день все хотят быть либералами или революционерами, на другой день все с воодушевлением обращаются к реакции. Вчера правил Герцен, сегодня это Катков, le grand Russe последнего времени в России, грозный редактор “Московских ведомостей”. Импульс даётся одинажды и ему все следуют; сопротивляться этому – поступок смелый, достаточно редкий и к тому же бесполезный»¹⁴.

Выше, строкой из письма И. С. Тургенева, мы уже отметили прекрасную осведомлённость де Мазеда о состоянии дел в Российской империи. Используя, конечно, официальные органы печати и журналы, публицист не ссылается притом на своих информаторов, среди которых могли бы быть, по мнению В. А. Слободчикова, представители русской эмиграции, например В. П. Долгоуров. По его же мнению, наиболее видное место

среди источников принадлежало бесцензурным изданиям вольной русской прессы, и особенно сочинениям Герцена. Об этом говорит идейное созвучие статей Мазеда с целым рядом положений, высказанных ранее издателем «Колокола», и использованием материалов последнего. Сам же Герцен писал о работах француза, что они написаны искусным пером, отмечал хорошую осведомлённость автора, достоверность источников и отсутствие предвзятого мнения¹⁵. Совершенно очевидно, что де Мазад и Герцен находятся не только на одной стороне по отношению к границе Российской империи, но и на одной стороне идеологического фронта. Для де Мазеда, аналитика и эксперта, позволяющего себе пространное обобщение, положение вещей внутри Российской империи персонафицировано: Каткову противостоит Герцен, императорской клике старой закалки в лице Пуятина или генерала Строганова противостоят просвещённые массы в лице «журналиста Чернышевского, приговорённого после двух лет заточения в крепости к каторге и ссылке», и т. д. Нисколько не умаляя достоинств работ французского публициста, назвать их по-герценовски непредвзятыми достаточно трудно. Хотя это, в сущности, и прекрасно – публицистика, лишённая предвзятости, в таких условиях вряд ли была бы услышана. Рассуждающему с умеренно-либеральных позиций де Мазеду нетрудно было найти в России 1860-х своего читателя.

Публицистика де Мазеда крайне интересна, и вот с какой точки зрения: пять указанных нами выше статей представляют собой своеобразную летопись событий во внутренней политике Российской империи. Очерченные рамками определённых взглядов, мысли де Мазеда не лишены внутренней динамики, его взгляды меняются вместе с тем, как меняется ситуация в России. Причём выводы об отношении автора к действительности достаточно очевидны даже после поверхностного знакомства с работами. В январе 1862 г. де Мазад писал: «Ясно, что величие России нисколько не в опасности; напротив того, из этого критического положения она способна выйти в таком состоянии, что может стать ещё более грозной для Европы. Династия тоже не под угрозой, хотя в этом пытаются уверить Александра II зачинщики отъявленной реакции; напротив того, она может укрепиться надолго, связав себя либеральной политикой с новыми судьбами России. Но что действительно находится под угрозой, так это весь политический и административный строй...»¹⁶. Ожидание обновления в России, пусть и с небольшой опаской, однако всё же искреннее ожидание. Интересной публицисту была и мысль о том, что Россия проходит тот же этап, который прошла Франция накануне Великой революции – в этом смысле как автор он предстаёт перед нами даже как советчик, а саму статью, точнее, последние её страницы, можно смело трактовать как скрытое обращение автора к самому императору. Приме-

чательна брошенная де Мазадом фраза в конце статьи от 15 июня 1862 г.: «... Европа, которая не просит большего, чем быть удивлённой широтой либерального духа царя»¹⁷. Автор отсылает нас к словам, сказанным императором: «26 августа 1862 года я удивлю Европу», – по мнению де Мазата, словам «загадочным и внушающим надежду».

Настроение 1862 г. сменяется настроением 1866-го, ожидание сменяется осознанием и обличением. Статья посвящена внутренней политике после польского восстания, и именно в связи с восстанием она и анализируется. «Во-первых, и это действительно так, ничего не изменилось ни в государственных и общественных институтах, ни в людях; официальная политика и сегодня такая же, как вчера. Стремление к реформам, которыми было торжественно отмечено начало царствования императора Александра II, не было прервано [в связи с польским восстанием 1863 г. – Р. Х.]. Процесс реформ был приостановлен всего на мгновения, для того чтобы возобновить вскоре свой ход, распространяясь на всё – администрацию и экономику, прессу и организацию судопроизводства, общественный порядок и вооруженные силы. Ничего не изменилось, иными словами, ничего, если речь не идёт об умонастроениях, при которых происходил этот процесс, не о дуновении, которое оживляло процесс, не о рассудке, который процессом управлял. По сути, польское восстание ранило самодержавие в самую его сущность, вмешиваясь в роли и расстановки партий, создавая такую ситуацию, когда намёк на либеральность теряется в решительном отрицании права, когда колеблется текущее общественное мнение, ... когда под кажущимся единством прячется сильная и страшная бессвязность, разобщённость». По мнению автора, Россия не выдержала испытания, обратившись к реакции, а на страницах статьи Катков как страшный образ этой самой реакции, по версии де Мазата, начинает появляться постоянно. Апогея полемика в одну сторону с редактором «Русского вестника» достигнет в статье 1868 г., где количество упоминаний и ссылок на М. Н. Каткова достигнет невообразимого количества. А пока ещё в 1866-м де Мазат напишет: «Россия больна и эту болезнь она переживает тяжело и в делах материальных, и в своих настроениях. Она рассчитывается с людьми либерального склада, которые знают о болезни, которые говорят о ней и у которых не получается быть правыми ... У русских есть пословица, которая гласит: “Нельзя покинуть один берег, не ступив на другой”. Так и с Россией: она уже покинула старый берег и ещё не ступила на другой, и это наиболее очевидный результат опыта последних двух лет»¹⁸.

Безусловно, столь яркий источник по общественной жизни Российской империи в 60-е гг. XIX в., помимо кажущейся очевидности и прозрачности, несёт ещё огромное количество

информации, и наша цель в дальнейшем постепенно приоткрывать новые и новые страницы публицистики.

Примечания

- ¹ Далее – «RDM».
- ² Все статьи одного автора: *Mazade Ch. de. La Russie sous le regne de l'empereur Alexandre II // Revue des deux mondes. T. 37. Paris, 1862 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. La crise de l'autocratie et la societe russe // RDM. T. 39. Paris, 1862 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise // RDM. T. 62. Paris, 1866 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. Deux annees de l'histoire interieure de Russie. 1866–1867 // RDM. T. 74. Paris, 1868 ; La Russie sous l'empereur Alexandre II. La politique exterieure de la Russie et le panslavisme // RDM. T. 75. Paris, 1868. Первая статья 1862 г. есть в русском переводе: *Мазад Ш. де. Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского : сб. док. Саратов, 1968.**
- ³ Примечательно, что полный список статей о России в журнале «RDM» составил профессор Техасского университета США, снабдив ряд статей пояснениями и комментариями и опубликовав труд по библиографии во Франции. См.: *Guthrie C. E. The Revue des deux mondes and imperial Russia 1855–1917 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1984. № 1, Janvier–Mars.*
- ⁴ *Ibid. C. 94.*
- ⁵ Сам И. Д. Гальперин-Каминский единственным серьёзным предшественником плеяды писателей 1870-х и т. д. считал лишь Ж. Г. Шницлера, автора произведения «Империя царей с точки зрения современной науки», вышедшего в промежутке между 1856 и 1866 г. Гальперин-Каминский писал, что «это истинно монументальный труд, содержащий в себе всё, что было в то время известно и России». Автор, концентрируясь на сугубо научном подходе, совершенно не принимает во внимание публицистику, что, в свою очередь, совершенно не умаляет достоинств работ де Мазата. Популярность последнего не оставляет сомнений в том, что с его публицистикой Гальперин-Каминский был знаком, хотя упоминаний об этом в тексте нет. См.: *Гальперин-Каминский И. Д. Руссоведение во Франции // Русская мысль. 1894. Кн. IX.*
- ⁶ *Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 3. Комментарии к письмам Б. Н. Тарасова. М., 2003. URL: <http://lib.rus.ec/b/163198/read> (дата обращения: 10.02.2011).*
- ⁷ См.: *Черкасов П. П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863). По фондам Архива МИД Франции // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2008. Вып. 8 ; Фёдоров С. М. Франция – Россия, Россия – Франция: асимметрия восприятия. М., 2008 ; Пухова Л. А. Русско-французские отношения в оценке и восприятии Николая I, Александра II и Наполеона III (конец 1840-х – начало 1870-х годов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009 ; Цыкова К. А. Россия второй половины XIX – начала XX в. в трудах Анатолия Леруа-Больё : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.*
- ⁸ *Мазад Ш. де. Россия при императоре Александре II // Дело Чернышевского : сб. док. Саратов, 1968.*

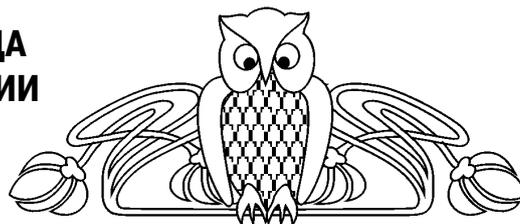
- ⁹ Речь идёт о статье: *Mazade C. de. La Russie sous l'empereur Alexandre II. Deux annees de l'histoire interieure de Russie. 1866–1867 // RDM. T. 74. Paris, 1868.*
- ¹⁰ *Мосолов А.* Виленские очерки (1863–1865 гг.) (Из воспоминаний очевидца) // Русская старина. 1883. Т. 40, декабрь. С. 628.
- ¹¹ *Mazade C. de. La Russie sous l'empereur Alexandre II. La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise // RDM. T. 62. Paris, 1866. P. 280.*
- ¹² Цит. по: *Катков М. Н.* Идеология охранительства. М., 2009. С. 22.
- ¹³ *Mazade C. de. ...Deux annees de l'histoire interieure de Russie. 1866–1867... P. 729.*
- ¹⁴ *Mazade C. de. ...La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise... P. 276.*
- ¹⁵ *Mazad Ш. де.* Россия при императоре Александре II. С. 640.
- ¹⁶ Там же. С. 587.
- ¹⁷ *Mazade C. de. ...La crise de l'autocratie et la societe russe... P. 803.*
- ¹⁸ *Mazade C. de. ...La societe et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise... P. 274.*

УДК 94 (470.4)|1921|303.446.4 (100)

МАСШТАБЫ И ПРИЧИНЫ ГОЛОДА 1921 ГОДА В ПОВОЛЖЬЕ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О. И. Помогалова

Саратовский государственный университет
E-mail: ksy2093@mail.ru

В статье исследуются взгляды западных исследователей на масштабы и причины голода 1921–1922 гг. в Поволжье, а также их оценка факторов, побудивших Советское правительство обратиться к Западу за гуманитарной помощью.

Ключевые слова: голод в Поволжье, масштабы и причины голода, продовольственная политика большевиков, западные исследователи голода.

The Magnitude and Causes of Famine 1921 in the Volga Region in Western Historiography

О. I. Pomogalova

The article is devoted to the investigation of western researchers' views on the extent and causes of the famine 1921–1922 in the Volga region. It also takes into consideration their assessments of the factors that prompted the Soviet government to apply Western countries for humanitarian aid.

Key words: famine in the Volga region, extent and causes famine, food policy of Bolsheviks, Western researchers of famine.

Голод, разразившийся на территории Советской России в начале 20-х гг. XX в., был одной из величайших трагедий, пережитых нашей страной. Как известно, большую помощь в его преодолении оказали зарубежные благотворительные организации Европы и Америки. В этой связи интересно, как оценивалась ситуация голода общественностью и специалистами западных стран. Каковы, по их мнению, истоки этого голода? И знали ли на Западе о реальных масштабах произошедшей в СССР катастрофы?

Историк Ричард Пайпс называет голод 1921–1923 гг. «величайшим из человеческих бедствий в истории Европы»¹. Его слова подтверждаются очевидцами из западных стран, которые ярко отразили свои впечатления на страницах прессы.

Американские наблюдатели были ошеломлены масштабами голода. В газете «Новая Республика» события в России были прокомментированы так: «Русской голод по масштабам разразившейся трагедии можно сравнить с историческим бедствием, которое когда-либо обрушивалось на человеческую расу»².

Тысячи деревень были заброшены их жителями, которые уходили в поисках продуктов питания³. Американские официальные лица, находившиеся в России, сообщали, что голод – это самое ужасное бедствие, которое они когда-либо видели. «Миллионы людей, обреченные на смерть, ждали смерти, спокойно смотря ей в лицо»⁴.

Фритьоф Нансен, возглавлявший в те годы Международный союз помощи детям, побывав тогда в Поволжье, писал об обстановке в Пугачёвском уезде: «Голод превосходит все самые мрачные ожидания. Сопровождающий меня доктор Феррер, побывавший в Индии, Африке и Азии, нигде этого не видел. Неубранные на задворках трупы людей обглаживаются собаками»⁵.

Другой современник этих событий указывает также на то, что слухи об ужасающих последствиях голода не преувеличены. Дела обстояли намного хуже, чем когда-либо в Америке⁶.

Джеймс Гудрич, отправленный по поручению Э. Гувера в СССР для изучения голода, был поражен. Он пишет: «В центре Поволжья, где засуха уничтожила посевы, не было обнаружено ни одной собаки. В Саратове все собаки были убиты на колбасу»⁷. Краткий доклад из Национального информационного бюро даёт наглядное представление о ситуации, которая происходила в тот момент. Когда не хватало еды, люди начинали есть животных, корни, кожу и кости. Голод заставлял людей становиться преступниками, чтобы выжить. Разбойники убивали целые семьи, чтобы